

**Батраков Евгений Георгиевич,
редактор газеты «Оптималист»**

ТОВАРИЩ ЖДАНОВ

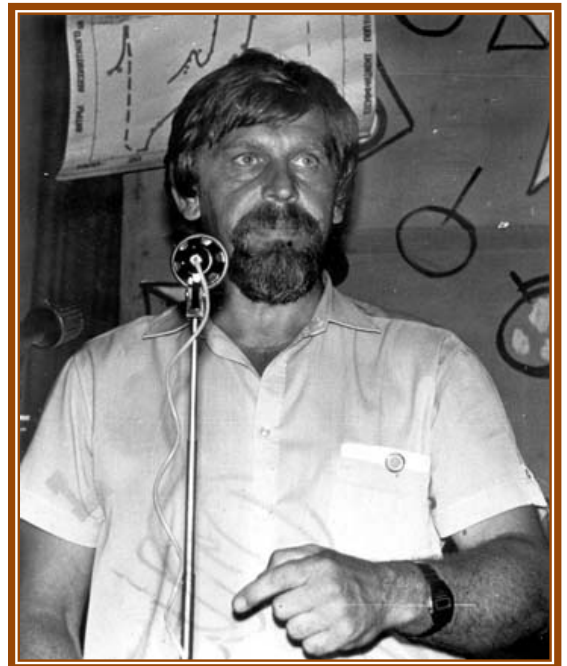
Из суровых камчатских мест, где провел без малого 15 лет, я вернулся в свой родной сибирский городок уже убежденным трезвенником и законченным противником политического режима, насаждающего опаснейшие иллюзии и пусто-призрачные надежды в умах сограждан, «живущих по преданию и рассуждающих по авторитету»... И лишь дополнительным подкреплением этой позиции послужило то, что, как оказалось, половина соучастников моих «веселых» юношеских лет уже сошла в могилу не без помощи алкоголя, в том числе, качественного, государственного, другая же половина – тупо и уперто продолжала поклоняться бесподобному, козлоному Бахусу. Я не спорил с оставшимися в живых. Мне думалось тогда, что каждый по-своему прав, и что «сколько людей, столько и мнений», и что каждый выбирает сам себе «женщину, религию, дорогу».

Трезвость, таким образом, я влачил исключительно «моя-хата-с-краюшную», пассивно-обывательскую, впрочем, ни на чуть ее не выпячивая и не бахвалясь ею...

Однако вскоре все круто изменилось. Однажды вечером в мой дом заглянул гость с бутылем вина – давнишний приятель, врач-психиатр Александр Фатеевич Чарков, с коим не виделись мы тьму-тьмущую лет. Застолье не сложилось, но наговорились вдосталь. Узнав же, что я седьмой год уж, как в самоизоляции от пагубной традиции, он зашел и на следующий день – без поллитры, но с аудиокассетой «Правда и ложь об алкоголе»...

Так и началось мое знакомство с этим удивительным явлением мирового уровня и значения – Владимиром Георгиевичем Ждановым. На дворе был – 1984-й год...

Магнитозапись произвела на меня впечатление такое же, как, очевидно, и на всех, кому посчастливилось ее в той социально-политической атмосфере тотальной лжи и духоты послушать: шокирующее. Интеллектуально и нравственно потрясло буквально все: плотность информации, блестящая работа с фактами, яркость и свежесть логических пассажей, новизна умозаключений, полученных на базе общеизвестных статданных, динамика речи, тембр голоса, эмоции, интонации, великолепный сарказм, мужество говорящего с позиции Гражданина, искренняя тревога за судьбу народа и страны, историзм темы, здоровая, но беспощадная критика медицины, пребывающей в некоторой озабоченности лишь от последствий питания, обличение антинародного монстра, бойко проводящего смертоносную политику А.Гитлера, монстра, именуемого государственной алкоторговлей...

Голос Жданова, казалось, насыщал воздух чистейшим, предгрозовым озоном, его голос звучал, как набат, его лекция, обращенная, прежде всего, к советской интеллигенции, воспринималась, как развернутая манифестация песенной строки – «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой»...

Вне всякого сомнения, этот молодой новосибирский ученый воспринимался общенациональным героем, бесстрашно и одиноко вставшим в полный рост среди миллионов «незрячих» и согласных, среди упоенных и разобщенных, среди честных, но обесчещенных...

И надо отдать должное лучшим представителям этой интеллигенции, – Н.Г. Загоруйко, Б.П. Гаврилко, В.П. Будянов, И.В. Николаев, В.И. Секерин, Е.А. Чиркин (Новосибирск), Б.И. Искаков, В.В. Юмин, М.П. Баканов, Н.Г. Емельянова (Москва), О.И. Трофимов, О.Е. Жуганов, В.П. Кривоногов (Абакан), В.С. Стольникова (Первоуральск), Н.П. Воропаева (Обнинск), В.А. Гришутина (Мыски), П.И. Губочкин (Ярославль), А.В. Иванов (г.Петрозаводск), Л.С. Иванова (Арзамас), О.И. Калашников (Владивосток), Н.Ф. Колоша (Нижний Тагил), С.П. Крупская (Харьков), В.Н. Кухарев (Томск), Г.С. Купавцев (Новокузнецк), А.В. Накаряков (Пермь), А.П. Репетов (Тюмень), А.М. Сидоров (Алма-Ата), В.А. Толкачев (Минск), В.И. Федотов (Можга), Н.В. Юминов, Н.В. Январский (Ижевск) и мн., мн. другие, – которые, как по боевому сигналу «За Родину!» не ради наград, и не премиальных ради, поднялись и заняли свое место на бесструктурном противоалкогольном фронте, и голос которых не позволил расправиться с молодым ученым так, как умела в те годы расправляться подраставшая честь и совесть партийно-советская власть... «Трезвенники-восьмидесятники», – а это был целый многосоттысячный народный вал, в том числе и совершенно неизвестных нам товарищей, – вносили свою персональную лепту в общенародное дело, и никто тогда не вопрошал беспомощно: «А где тут мое место и чем бы мне тут тоже подзаняться?», ибо знали, имеющие совесть «Бейся там, где стоишь!», и не прятались за внушенное лукавыми «каждый должен заниматься своим делом» (наркологи – пьющими, а пьющие – смирно стоять у кульмана, у станка, у доменной печи). «Каждый должен заниматься своим делом» – это очень удобная формулировочка, за которую иные потом с легкостью попрятались, освободив себя от своей собственной совести, от своего гражданского долга, от своей духовной миссии.

В песне Владимира Высоцкого есть строки:

*Если мяса с ножа ты не ел ни куска,
Если руки сложа, наблюдал свысока,
И в борьбу не вступил с подлецом, палачом –
Значит, в жизни ты был ни при чем, ни при чем!*

Быть в жизни ни при чем – именно это и предпочли некоторые, в том числе и горячие поклонники творчества великого поэта...

Полученный мною заряд от прослушанной лекции В.Г. Жданова был велик, настолько велик, что я решительно не мог долее продолжать свое прозябательство в своем глухом, удобном окопе простого непития.

Надо было безотложно что-то делать?

Но – что же!?

Я размножил аудиозапись и раздал всем, кому только мог. Я перенес аудиолекцию на бумагу – распечатал на пишущей машинке и раздал тем, у кого не было магнитофона. Но это ж ничтожно мало?! Что же еще? Поскольку на тот момент я уже не пил, а дважды пить не бросишь, то

я, прокуривший 22 года, и дошедший уже до двух пачек сигарет «Oral», 31 декабря 1984 года решительно и навсегда бросил курить.

Во, какова она, сила пламенного слова!

Несомненно, выступление Жданова я воспринял, как сигнал к личной мобилизации – бери шинель, пошли на фронт!

Активная трезвость побудила искать и соратников. И таковые вскоре нашлись – старший научный сотрудник ОНМЦ при РДК Виктор Павлович Кривоногов и член областного суда Олег Игоревич Трофимов. С этой нашей «троицы» и начался, в сущности, прозвучавший впоследствии на весь Советский Союз дискуссионный клуб трезвости «Луч», в судьбе которого пришлось принимать участие и Управлению КГБ по Хакасии, и инструктору ЦК КПСС Кувитанову, и начальнику абаканского ГОВД МВД...

Именно клуб «Луч» явился и инициатором приглашения в Хакасию лектора Всесоюзного общества «Знание» В.Г. Жданова. Было это уже в 1987 году.

Славное времечко! Ах, каков был Владимир Георгиевич! Молод, бурлящ, искрометен, напорист, неожиданен, легко гуляющ от самых теплых эмоций до возмущения духа восходящего до гнева, от пауз, благодаря которым так прекрасно доходил смысл и трагизм сказанного до словес, – не высокопарных, не претенциозных, не тех, что пропитаны махровым чинущничеством, но таких, которые являлись, как речь самого высокого звучания...

Я не скажу, что он был популярен или знаменит на излете XX-го века, или что он был эдаким всеобщим любимцем. *Популярны* – Верка Сердючка и Филипп Киркоров, *известны* – Борис Березовский и Андрей Чикатило, знамениты – Михаил Жванецкий и Михаил Горбачев. В известности, популярности, знаменитости есть некая потребительская, утилитарно-шкурная подстройка либо сверху, либо снизу: «он для меня», «я ради него». Феномен же Жданова, как мне думается, лежал совершенно в ином измерении и удовлетворял, – в тогдашней атмосфере информационного вакуума, тотальной лжи и фарисейства, в атмосфере невыносимой духоты, невозможной для жизнедеятельности нравственной личности, – совершенно иную потребность – потребность даже не в сильной личности, которой чуждо лизоблюдство и своекорысть, не в такой достойной личности, которая молодцевато гарцевала в приторных передовицах и гордо бронзовела, топорщась на высоких трибунах, но в такой, лучшие черты которой саккумулировались в прекрасном слове «товарищ». «Товарищ» не в партийно-советском смысле и не в еврейско-торгашеском, но в том, в каком понимал его русский философ и священник Павел Флоренский: «товарищ... означает, собственно, защита, защитник...».

В песне Михаила Анчарова, гениальнейше исполненной Валентином Никулиным, есть строки:

*Говорил мне отец:
«Ты найди в себе слово,
Чтоб оно, словно песня,
Повело за собой.
Ты ищи его с верой,
С надеждой, с любовью, –
И тогда оно станет твоею судьбой».*
*Я искал в небесах,
И средь дыма пожарищ,*

*На зелёных полянах,
И в мёртвой золе,
Только, кажется мне,
Лучше слова «товарищ»
Ничего не нашёл я на этой земле.*

Так вот, В.Г. Жданов, на мой взгляд, и явился пред зачарованно внимающим народом именно в этой ипостаси – ипостаси *товарища*, который сказал совершенно ясно, твердо и мужественно: «мы – спились», мы – потомки тех, кто с трезвой головой, отражая нашествия хищных племен Востока и полчища завоевателей Запада, собирал столетиями Великую Россию; мы спились, но не вина наша в том, что с нами произошло, ибо есть хитрейший и подлейший, незримый тайный враг, – мировая закулиса, – умело направляющий алчные, торгашеские своры, внациональное чиновничество госструктур и охолоуевшее, аморальное сообщество журналюг и деятелей культуры во исполнение чудовищного заговора против народов мира и получившего название «теория «золотого» миллиарда».

Есть совершенно конкретно обозначенный враг и есть совершенно понятный и простой выход: нужно взять и бросить пить – объявить для себя самого «сухой закон». Не только ради здоровья, но и ради Родины нашей, и ради детей тоже.

Так сказал Владимир Георгиевич Жданов, наш современник, один из самых достойнейших людей конца XX-го столетия!

Кстати, мог ли, уважаемый читатель, кто-нибудь из нас представить, что в 1984 году В.Г. Жданов окажется, к сожалению, прав? Ведь это он, а не астролог Павел Глоба, сказал, – я подчеркиваю, в 1984 году сказал:

*«Когда мы построили эти графики и сделали простейшие оценки, я, честно говоря, две ночи просто не мог заснуть. Товарищи, с нами **никто** не собирается воевать. Вот это мы все ясно себе должны, чётко отдавать отчёт. Все эти разговоры о «першингах», вся эта напряжённость – это, товарищи, блеф просто. Самый настоящий блеф. **Зачем** с нами воевать, если мы через 15 лет просто рассыплемся как суверенное государство?!»*

Через 15 лет – 8 декабря 1991 года – в результате Беловежского сговора, – Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, – суверенное, пьяное государство – СССР – рассыпалось...

Рассыпалось... Так оно ж и понятно: алкоголь разваливает буквально все – и личность, и семью, и род, и народ, и общество, и государство! И поэтому, соратники, у нас нет иного выхода, как вдуматься и уверовать в то, второе пророчество, которое В.Г. Жданов сделал уже через год после первого – в 1985 году: **«Трезвость – наше оружие! И мы – победим!»**

...Множество хороших слов хотелось бы мне сказать сегодня в адрес товарища Жданова. И пожелать хотелось бы многого, ведь Владимир Георгиевич это, по сути, человек, который не просто в значительной степени изменил вектор моей судьбы, но и, мобилизовав в ряды защитников естественного, трезвого образа жизни, придал особый смысл этой судьбе. Быть может, он и сам того же смысла ради четверть века тому назад, встал плечо к плечу рядом с одиноким, опальным академиком Ф.Г. Угловым и, будучи не удовлетворенным положением дел и в науке, и в обществе, и предчувствуя в себе способность различать должное и непотребное, потому-то и обратился к просветительству народа, полагая, вслед за Федором Григорьевичем, что правда об алкоголе вкупе с такими атрибутами русского народа, как стыд и совесть, помноженная на тоску народа по

красоте, чистоте и порядку – это и есть та информационно-нравственная основа, которая способна поднять современников на переустройство бытия в соответствие с идеалом, который был сформулирован и провозглашен в виде трезвого человека.

Мы знакомы более 20 лет. Обо всем не напишешь, не расскажешь, а о многом и хотелось бы рассказать, написать, да я и сам того не понимаю. Например, не понимаю, как он работает над словом, как он создает архитектуру своих удивительных лекций, и где он берет столько душевных сил, столько энергии, чтобы с необычайной легкостью и щедростью раздаривать это все людям, ничего не требуя взамен и не прося признаний и похвал.

Десятки раз Владимир Георгиевич бывал в нашем городе – в Абакане. Множество раз выступал на телеканалах благодаря местным знаменитым тележурналистам Татьяне Ежовой и Людмиле Расташеновой. И нередко в студию на запись шел прямо с утрешнего поезда.

Его работоспособность – поразительна.

Известно, что в период проведения съезда, конференции и т.п. делегатам удается поспать не более 2-3 часов – хочется пообщаться, выговориться, выслушать... Но ведь в этот же период на В.Г. Жданове лежала, как обычно, и обязанность подготовить ту или иную резолюцию, ту или иную «важную бумагу». Конечно, для этого всегда избиралась соответствующая рабочая группа, но эта группа к самому ответственному моменту уже представляла собой банальную «варенную рыбу». Кто нас спасал? Владимир Георгиевич, под чью диктовку, сразу, «с голоса», без «творческих мук» над черновиком записывались совершенно четкие, выверенные формулировки.

Поразительный мозг!

Поразительная личность!

Есть легион тех, кто норовит рассевшись дома на мягком диване в теплых тапочках покраснобайствовать на тему «роль личности в истории», маскируясь под бараньей шкурой «я – как все», когда «столько боли вокруг». Жданов же не склонен витать в эмпиреях, он даже не склонен призывать к чему бы то ни было этих краснобайствующих и витийствующих. Он третье десятилетие, из года в год, из города в город, из села в село неустанно несет людям истину об алкоголе, об алкогеноциде, о трезвом образе жизни. Он с одинаковой искренностью и самоотдачей, выкладывается «на все сто» и на Центральном телевидении, и перед сотнями собравшихся в актовом зале, и перед десятком слушателей семинара, проходящего меж костров и палаток в лесу на юге Урала, и перед пятью членами редакции районной газеты в глухом сибирском селе Белый Яр...

И при этом никогда и никаких жалоб.

Настоящий русский интеллигент – что с него возьмешь!

Все, кто пивал чай за одним столом с Владимиром Георгиевичем, парился в баньке, балагурил у костра, на всю жизнь запомнили и то, как он читал стихи русских поэтов – Николая Рубцова и Валентина Сорокина, как задушевно пел русские песни и как рассказывал всевозможные истории, байки, анекдоты! Ненавязчивая, непретенциозная манера поведения, благодаря которой каким-то непостижимым для меня образом, в общей атмосфере прекрасного настроения исчезает очевидное на первых парах эмоционально-интеллектуальное неравенство собравшихся, исчезает

непропорциональность личных вкладов в создание общей атмосферы, и компания при этом не дифференцируется, не дробится на диполи – объединяется.

И еще я заметил, что там, где присутствовал Жданов, никогда не проявлялось высокомерное зубоскальство среди собравшихся по поводу друг друга, и никогда не слышал я, чтобы сам он кого-либо осуждал, отчитывал, а тем более, позволял бы себе высказывать нелицеприятное мнение о ком-либо из отсутствующих.

Поразительный человецище!

Как-то, будучи у меня в гостях и увидев книгу Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», Владимир Георгиевич взял ее в руки, бережно полистал и начал читать вслух речь Тараса, да так читать, что внове мне показался этот, еще со школьной скамьи известный фрагмент, и на каком-то совсем ином уровне я вдруг понял нечто совершенно новое и очень важное для себя:

«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь – и там люди! также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, – видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а... – сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: – Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горе-мычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество!»

И вот, вспоминая сейчас этот эпизод, думаю я: до чего ж велик был русский писатель Николай Васильевич Гоголь, если спустя 300 лет после известных событий и 200 лет спустя после написания исторической повести, атаман трезвеннического движения из новосибирского Академгородка, защитник Русской земли, уже очищенной от ляхов, но все еще не от жидов-корчмарей, как самую наиаktуальнейшую вещь, читает речь старого полковника, речь, которую гоголевский Бульба произнес перед казаками накануне тяжелого сражения *«не для того, чтобы ободрить и ос-*

вежить их, – знал, что и без того крепки они духом, – а просто самому хотелось высказать все, что было на сердце»!..

Евгений БАТРАКОВ

«Оптималист», №4 (126), май 2009 г.